

Лейла Тан

ДЕНЬ СОЛНЦА

Гл.1

Монах святой обители

Лейла Тан

День Солнца. Гл.1

Монах святой обители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70336663

SelfPub; 2024

Аннотация

Землянам становится известно, что в различные исторические эпохи дружественная людям инопланетная цивилизация неоднократно пыталась передать человечеству очень важную для него информацию, но передаче всякий раз мешали некие силы. Разведчики времени из будущего отправляются в прошлое, чтобы принять послание, и сталкиваются с могущественным противником. Управляющая Землей раса голубой крови, пришедшая из параллельного мира, стремится помешать проекту. Незаметная для большинства людей война переносится в настоящее, где группа ученых и энтузиастов противостоит расе хозяев. В первой главе разведчики из будущего ждут послания в средних веках. Им удастся выяснить место контакта, но враги обнаруживают их. Хотя контакт состоялся, его участниц сжигают на костре как ведьм, а один из разведчиков оказывается в инквизиции.

Лейла Тан

День Солнца. Гл.1

Монах святой обители

Неаполь-Рим, октябрь-декабрь 1503 года

1

"... и направляется в монастырь Святой ..." Приор быстро пробежал по строчкам письма и перевел взгляд на новоиспеченного послушника, нетерпеливо переминающегося у нижней ступеньки лестницы. Что-то в нем было такое, что заставило приора перечитать предписание еще два раза.

– Так как, говоришь, тебя зовут? – спросил настоятель, пожевывая.

– Пьетро.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать семь, святой отец.

Приор недоверчиво прищурился. Нормальный мужчина к тридцати семи годам обычно обрастает болезнями, лишается зубов и волос, лицо его покрывают мужественные морщины, кожа на руках становится похожа на древесную кору и глаза не блестят так живо. Новый брат выглядел слишком молодо для своих лет, и это тоже было подозрительно.

– Хм. Чем ты занимался ранее?

– Изучал науки, святой отец.

– Что же заставило тебя вступить в братство?

– Разочарование в мирской жизни.

– Что ж... – Приор медленно сложил предписание и наконец удостоил странного монаха отеческого взгляда. – Здесь, сын мой, ты найдешь утешение и освобождение от брэнности суетного мира. – Он сделал знак стоявшему рядом монаху. – Брат Антонио, это наш новый брат. Отведи его в общину и покажи ему его келью.

Брат Антонио молча кивнул и поплыл по сводчатому коридору. Новичок двинулся за ним.

Приор посмотрел немного им вслед, потирая пухлые руки, и заключил:

– Очень странно.

2

Отай еле дождался конца лекции. Лектор-теолог говорил нудно, серо, делал длинные паузы и заходилась кашлем. Старик страдал астмой и сегодня у него, кажется, был не лучший день. В зале стоял тяжелый дух, как, впрочем, и в церкви, и в трапезной, и в келье, и во дворе, да и во всем этом городе.

Нужно было придумать другую легенду, думал Отай, незаметно зажимая нос пальцами. От соседа справа разлило прокисшим потом. Нужно было! Он не выдержит. Он просто не сможет думать о работе, он может думать только об этой вони. Хорошо, если Неоло удалось что-то найти, тогда

его миссия будет короткой.

Неоло... Отай улыбнулся, прикрыв улыбку ладонью. Вот она удивится, увидев его. Почему-то Рибан решил, что разведчикам лучше не знать, кто придет им на смену, так что для нее его появление будет сюрпризом. Она завизжит и бросится ему на шею, а он будет целовать восхитительные ямочки на ее щеках, как делал это много-много раз. Нет, не получится. Торговка рыбой на рынке не может броситься на шею монаху. Но ведь они так давно не виделись! Целых три месяца она торчит в этом шестнадцатом веке, будь он неладен. Наверное, от нее тоже пахнет не лучшим образом, автоматически подумал Отай и тихо засмеялся. Мда, он действительно начинает сходить с ума. А ведь прошли всего сутки. Интересно, во что превратятся его мозги к концу смены? Девяносто дней ему придется провести в вонючей келье наедине с коптящими свечами и мышами и при этом продолжать шевелить мозгами и искать, искать, искать...

Сосед справа недовольно скосил на него глаза. Отай немедленно стер улыбку с лица и потупил взгляд.

Ямочки... Да, у нее восхитительные ямочки. И глаза как озера, синие и прохладные. На Станции на Неоло многие заглядываются, но она благосклонна только к нему. Любовь? Что ж, может быть. Надо будет обсудить с ней этот вопрос по возвращении, если, конечно, ее не отправят еще куда-нибудь. Чертов Проект...

– В следующий раз мы поговорим о шестом дне творения,

дети мои, – произнес лектор и торопливо покинул кафедру, держась за горло.

Монахи дождались, пока он выйдет, поднялись и гуськом двинулись к выходу. Молодые послушники переглядывались, хихикали и дурачились.

Мрачный брат Антонио стоял в дверях. Когда Отай поравнялся с ним, он скользнул по его лицу колючим взглядом и отвернулся.

3

Отай упал на лежанку и впервые оглядел свою келью с любовью. Как же он любил сейчас эти четыре серые стены. Он был здесь совершенно один!

Он закинул руки за голову и стал думать. Итак, он в Неаполе, на дворе шестнадцатый век, осень 1503 года, и вот-вот должны прибыть ОНИ. Никто не знает точного места и даты контакта. В послании не было этих данных. Вернее, не всё удалось расшифровать.

В прошлом веке в некоей пещере где-то на Мадагаскаре среди груды окаменелых костей был обнаружен старинный цифровой диск, записанный около четырехсот лет назад. Поначалу находка не привлекла внимания ученых, и диск валялся на складе местного музея, пока кто-то не вздумал попытаться его прочитать.

После опубликования первых данных расшифровки, – а информация была закодирована и сильно повреждена, – на-

учный мир пришел в невероятное возбуждение. Неземное происхождение послания не вызывало сомнения, однако десятка два лет не утихали споры. Одни называли находку дьявольской фальсификацией, другие видели в нем послание небес. В дискуссию вмешались политики и духовенство, ожесточенные споры разгорались в парламенте и правительстве. Когда к делу подключились военные, дискуссии сразу прекратились.

Содержание послания хранилось в строгом секрете, но в общих чертах о нем знали все. Заключение оно в следующем: на протяжении всей истории человечества некие доброжелатели неоднократно пытались передать людям важную информацию, которая перевернула бы все их представление о мире и о себе, но этому всегда препятствовали враждебные человечеству силы. Указывались географические координаты и годы планировавшихся, но не состоявшихся контактов. В общем-то, как считал профессор Рибан, этого было достаточно, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте и принять послание загадочных друзей. Благо к тому времени уже началось освоение транспозитации во времени.

Идея была заманчива, и кое-кто, от кого на Земле что-то зависело, неожиданно отнесся к ней очень серьезно. Была создана Станция – научно-экспериментальная лаборатория, которую планировалось переводить из одной точки планеты в другую в зависимости от того, где в прошлом должен был состояться контакт. Рибан был убедителен, и научный мир

решил примолкнуть и подождать результатов.

Группы работали в четыре смены, каждый разведчик – по три месяца. Первая группа работала в Дании в самый разгар Тридцатилетней войны. Ей удалось выйти на почтальона (так на Станции называли контактеров), однако за сутки до контакта тот неожиданно скончался от холеры. Вторая группа ждала своего почтальона в Ниневии за полторы тысячи лет до третьей экспедиции. Тоже безрезультатно. Остановка под Неаполем была третьей. Предыдущие неудачи заставили изменить тактику разведки. От принципа невмешательства было решено отказаться. Группе, в которой Отай был четвертым, предстояло активно вмешиваться в процессы и обходиться без местных агентов, среди которых могли оказаться шпионы. "Сами, сами, только сами, – говорил директор Станции Рибан. – Только ваши собственные уши и ваши собственные глаза. Никаких лишних людей, никакой агентурной сети. Если возможно, пробуйте принять послание без контактера. И будьте осторожны, осторожны и еще раз осторожны". Профессор очень верил в историю с посланием и по-настоящему боялся провала. Именно Рибан создал Станцию, именно он воевал с правительством, выбивал деньги, давал гарантии и обещания. Поэтому он вправе требовать от своих работников, которых сам подбирал, дисциплины и понимания...

Отай сел на лежанке и опустил босые ноги на пол. Да, надо быть осторожным, подумал он, вспомнив колючие глаз-

ки брата Антонио. Пребывание в монастыре давало определенную безопасность, однако ограничивало в действиях. Сегодня он должен встретиться с Челоном – контролером от правительства, приставленным к Проекту, а затем увидеться с Неоло. Нет, лучше сделать наоборот – сначала Неоло, потом Челон. Этот желчный, скептически настроенный тип никогда не внушал Отаю большой симпатии. Во время подготовки группы он совал нос во все дела, выспрашивал, придирался. Его можно было понять – правительство не хотело тратиться на фантастический Проект и надеялось, что люди Рибана быстро наделают ошибок.

Перед окном промелькнула чья-то тень. Отай вскочил, с грохотом распахнул дверь и вывалился наружу. Так и есть – брат Антонио торопливо удалялся по сводчатому коридору, иногда оглядываясь на него черед плечо.

Что ему надо? – возбужденно думал разведчик второго класса Станции транспозитации Отай Марам. Неужели те, другие уже знают, что он здесь? Ведь он только прибыл! Быстро же они работают. Значит, все три месяца пребывания в вонючем городе ему придется бегать от погони, прятаться от шпионов и маскироваться. Ничего себе... Это уже серьезно. Надо немедленно идти к Челону и все рассказать.

Отай закатал широкий рукав и взглянул на хронометр укрепленного у плеча маяка. До обязательной вечерней службы было еще достаточно времени. Он успеет и к Челону, и к Неоло. Только вот как избавиться от колючих глаз бра-

та Антонио? Уйти незамеченным можно только ночью, перебравшись через ограду. В дневное время это сделать сложно, потому что монахи не могут покидать территорию монастыря без особых причин. Настоятель очень строг.

– Очень просто, – вслух подумал Отай и изучающе взглянул на свой кулак, – вырубить на пару часов братишку Антонио. А. может, сразу потащить его к Челону, допросить с пристрастием и все узнать? Чушь. Лезь через ограду – и все.

Он выждал еще с полчаса, потом решительно вышел во двор и осмотрелся. Он увидел, как брат Антонио выплыл из церкви, просветил немигающим рентгеновским взглядом все вокруг, дал какие-то распоряжения вышедшему следом монаху и направился к покоям настоятеля. "Кибер, настоящий кибер", – подумал Отай с неприязнью. Когда Антонио удалился, он быстро преодолел церковную площадь, проскочил мимо открытой двери трапезной, перемахнул через канаву с нечистотами и свернул за хозяйственные постройки. Он прошел подальше и стал ждать, наблюдая в щель между досок. Старое дерево рассохлось, из щелей торчали золотистые пучки соломы. Повсюду стоял острый запах конюшни. Отай распластался по стене и пробрался к деревянному складу. По ту сторону монастырской стены был пустырь.

Он взобрался по штабелям дров, как бы невзначай уложенным ступеньками, на ограду и спрыгнул в заросли сухого кустарника, раскрошившегося под ним со страшным треском. Промахнулся. Надо было взять чуть левее. Там протоп-

тана дорожка, по которой молодые монахи по ночам бегают в город, где их ждут дешевые девки и выпивка. Один из братьев выболтал ему эту страшную тайну, рассказав, что с наружной стороны в стене даже проделаны специальные выемки для рук и ног. С их помощью нарушители обычно взбираются обратно. Знает об этом приор, или нет, неизвестно, но пока что не бывало случая, чтобы кто-то попался.

Отай подождал еще немного и вышел на дорогу.

4

Он сам не заметил, как пошел в другую сторону. Первоначально он задал частоту сигнала Челона, и маяк, обнаружив нужный сигнал, принялся вести его. "Направо, налево, обратно, прямо..." – монотонно попискивало в наушнике, упрятанном глубоко в ухе. Отай послушно шел, нахлобучив капюшон и спрятав руки в широкие рукава, пока не понял, что следует не указаниям прибора, а за телегой, груженной кудахчущей и кричающей птицей. Телега двигалась тяжело, западая то на одно, то на другое колесо, куры и утки со связанными ногами трепыхались, разбрасывая перья.

Отай остановился. "Назад, назад, назад", – настойчиво пищало в ухе. Он засмеялся, увидев, что стоит у рынка. Мимо ползли в обе стороны люди, лошади, повозки, пустые и нагруженные товаром, катились бочки. Мычала и блеяла скотина, кричали зазывалы, стонали попрошайки и калеки.

Он отошел в тень, задрал рукав и переключился на сигнал

Неоло. Если уж так получилось, не поворачивать же теперь назад. "Прямо", – тут же сообщил маяк.

Неоло он увидел издалека. Она бойко торговала рыбой, горами лежащей в плетеных корзинах на прилавке. На ней был замызганный фартук, из-под забавного, похожего на горшок в кружевах, головного убора выглядывали непослушные кудряшки. В руках она держала огромный нож, которым ловко орудовала, потроша свой товар. Неоло выглядела в этом человеческом месива совершенно гармонично и естественно. Воистину, она была мастером перевоплощений. Недаром Рибан так дорожил ею.

Неоло была увлечена работой и не обратила внимания на приблизившегося к корзинам монаха. Тогда Отай обошел прилавок, подошел к девушке со спины и негромко поинтересовался:

– А свежая ли у тебя рыбка, красотка? Что-то она дурно пахивает.

Неоло развернулась, подбоченилась, готовая дать отпор нахалу, и вдруг выронила нож. Узнала. Отай видел, как вспыхнули ее глаза, покраснелось лицо, и испугался, что она действительно бросится ему на шею прямо здесь, среди рыбьих потрохов. Но она сумела овладеть собой, снова принялась потрошить несчастную рыбу и сказала:

– Как здорово, что прислали тебя! Это просто замечательно. Я хотела, чтобы это был именно ты. Ты давно прибыл?

– Вчера утром.

– Был у Челона?

– Нет еще. Как он?

– Как всегда. Всех подозревает, во всем сомневается. –

Она подняла на него смеющийся взгляд. – Как все-таки хорошо, что ты здесь...

Отай смутился, пониже опустил капюшон.

– Ты знаешь, я, кажется, нашла, – сказала Неоло и вогнала острие ножа в склизкий прилавок. Провела тыльной стороной ладони по лбу. – Понимаешь, о чем я? Я нашла..

– Нашла?

– Я нашла почтальона. Это женщина, прачка, живет в трущобах у порта. Ее там считают сумасшедшей. Месяца полтора назад я столкнулась с ней, когда брала товар у рыбаков, и мы разговорились. Она рассказала, что общается с ангелами.

– С ангелами?!

– Она так говорит. Как раз на днях они пообещали передать ей какое-то письмо от Господа. Они так и сказали: от Господа. Я думаю, это именно то, что нам нужно. У меня было несколько попаданий пальцем в небо, но на этот раз, по-моему, я нашла, что искала. Женщина больна, я помогла ей деньгами, накормила ее детей, переселила к себе, теперь ее наблюдает врач. Одним словом, мы сдружились. Она говорит, что они периодически выходят на контакт, чтобы узнать, как она. Один раз я наблюдала за контрольным сеансом связи. Это что-то!

– Когда контакт? – спросил Отай, стараясь держать себя

в руках.

Неоло прищурила один глаз и улыбнулась.

– Сегодня ночью.

У Отая сразу пересохло во рту. Сегодня ночью! Значит, завтра они смогут вместе вернуться домой! Он верил в Неоло, и Рибан верил, все на Станции верили в нее. И не ошиблись. Именно она должна была сделать это. И она это сделала.

– С-сегодня? – взволнованно переспросил он.

– Сегодня, – подтвердила довольная Неоло, – и я хочу, чтобы ты при этом присутствовал. Я мечтала разделить этот успех именно с тобой. Только, пожалуйста, ничего не рассказывай Челону. Он должен узнать обо всем последним. Если это то, о чем я думаю, то Проект можно считать завершенным и завтра мы возвращаемся на Станцию. Это будет наша победа, победа наша и Рибана. Правительству и его ищейкам давно пора утереть нос.

– Хорошо, я не расскажу ему. Где мы встретимся?

– Передача должна произойти после полуночи где-то в лесу. Найдешь меня по маяку.

– Я найду тебя. Только будь осторожна. Обещаешь? Вдруг эта женщина шпионка тех... наших врагов?

– Нет, я следила за ней несколько дней. Единственное, чего я опасаясь, – того, что она действительно не в себе и все придумала.

– Ничего, проверим. – Отай незаметно пожал руку девуш-

ки. – Не расстраивайся, если не получится. Все равно мы их найдем. До встречи.

Она коротко кивнула.

Отай отошел от прилавка и смешался с толпой.

5

Челон, играющий роль богатого сеньора, жил в особняке, выходящем на широкую, шумную и вонючую набережную. "Вы прибыли", – сообщил наушник. Отай скользнул взглядом по увитой плющом старой каменной стене и присвистнул. Потом взялся за массивное кольцо на дверях и несколько раз постучал.

С обратной стороны загремели замки и засовы. Злобно залаяли сторожевые псы. Наконец тяжелая створка приоткрылась и из темноты вынырнуло бледное узкое лицо.

Отай деловито передал слуге письмо, в котором шифром сообщалось о его прибытии.

– Подождите, святой отец, – почтительно сказал слуга и исчез в темноте.

Через минуту в дверях возник сам Челон.

– За тобой не следят? – бросил он и махнул рукой: – Заходи.

Внутри здания располагался небольшой милый дворик с фонтаном и павлинами, выложенный разноцветной плиткой. Его окружала узкая галерея, тоже очень изящная. Среди розовых кустов копошились два садовника. Вообще, как пока-

залось Отаю, в доме было слишком много слуг.

– Чтобы ухаживать за таким домом, нужна целая бригада, – сказал Челон, поймав его взгляд. – Ваш Проект делает из цивилизованного человека животное. Здесь нет автоматической кухни и канализации, а я привык к стерильным салфеткам и сервомеханизмам. Мне нужен кто-то, кто будет выносить мой ночной горшок.

– По-моему, вам грех жаловаться, – заметил Отай, – вы неплохо устроились.

– А ты бы как хотел? – Челон недовольно покосился на гостя. – Это для вас Проект развлечение. Посидели три месяца – и обратно в цивилизацию. А я должен встретить и проводить все четыре смены. И, между прочим, не испытывая при этом особого удовольствия.

Отай не нашелся, что ответить. В чем-то контролер от правительства был прав. Он отвечал за них, он владел финансами, он хранил у себя передатчик, постоянно настроенный на канал возврата, и отправлял разведчиков домой. Это была серьезная ответственность.

Они пересекли дворик, поднялись по лестнице, и Челон толкнул темную резную дверь. В комнате царил полумрак, пахло пылью и ароматизатором типа Бриз-38В. Челон распахнул окна, и внутрь ворвался шум улицы. За окном сверкало южное солнце, синело море, белели паруса, покачивались мачты кораблей. Отай не мог не отметить, что ароматизатор 38В очень неплохо вписывается в общую картину.

Челон упал на кушетку, обложенную атласными подушками, сложил руки на животе и впился в разведчика второго класса бесцветным взглядом.

– Никто не следит за тобой? – спросил хозяин дома.

– Нет... по-моему.

– Так "нет", или "по-твоему"?

Отай сел на стул с высокой спинкой и поерзал. Жестко.

– Никто не видел, как я ушел из монастыря. Но в монастыре есть тип, который постоянно за мной наблюдает. С самого начала. Такое впечатление, что он ожидал моего прибытия.

– Так, – сказал Челон. Сцепленные на животе пальцы задргались. – Так-так, это плохо. Это очень плохо. Только приехал – и уже... Ты уверен, что он за тобой следит?

– Я уверен, что он ко мне равнодушен. Большого пока сказать не могу. Надо понаблюдать.

Челон задумался. Не меняя позы, посидел молча минуты две, потом спросил:

– Как ты намерен действовать?

– Придется бегать от него все три месяца, – сказал Отай и снова поерзал на жестком стуле. – Что еще остается? Не могу же я его убрать.

Челон хмыкнул.

– Почему же не можешь? Ваш Проект грубо вмешивается в исторический процесс и промысел Божий, не считаясь ни с прошлым, ни с настоящим, вы хотите перевернуть мир и изменить будущее человечества. Что же тебе стоит убрать с

дороги одного человечка, который так и так умер тысячу лет назад?

– Проект не вмешивается ни в какой исторический процесс, – произнес Отай, проглотив раздражение. – Мы просто ведем расследование и никого и ничего не трогаем.

– Брось, это старая песня. – Челон отмахнулся от него, как от мухи. – Не будем сейчас об этом. Завтра в полдень я отправляю Неоло домой и начинаю работать с тобой. Надеюсь, ты не будешь создавать мне проблемы, как это делала твоя предшественница?

– Проблемы?

– Неоло занималась самодеятельностью и не считала нужным ставить меня в известность о своих поисках и планах. Я буду информировать руководство Станции о ее поведении и добиваться отстранения ее от работы в Проекте. В таких делах необходима дисциплина. Она слишком вошла в роль и, наверное, забыла об уставе. Между прочим, не я его писал.

– Она... – бросился было на защиту Отай, но контролер оборвал его:

– Тихо. Послушай меня внимательно. Чтобы между нами с самого начала все стало ясно, обрати внимание на мои слова. Ты знаешь, как я относился с самого начала к Проекту и всей этой затее. По идее я должен был настоять на прекращении работ еще год назад, когда Рибан прокололся во второй раз. Ты знаешь, что каждый сеанс транспозитации съедает десятую часть энергии Земли. Я уже не говорю о финансо-

вых затратах... Но я лоялен и не консервативен. В отличие от других контролеров, я, как дурак, хочу, чтобы у вас что-то получилось. Да, ты не ослышался. Я болею за человечество и я не против, если кто-то подскажет ему более верный путь и оно окажется в лучшем положении, чем наша с тобой реальность. Я тоже хочу верить в существование послания. Скажу больше – я сам пытаюсь вести расследование.

"Ого!" – подумал Отай.

– Так что не надо видеть во мне врага, – продолжал Челон. – Хотя мне все это и не нравится, я вам не враг. Я говорю это для того, чтобы ты не вздумал повторять ошибок своей предшественницы. В какой-то степени я отвечаю за всех вас и я должен быть в курсе. Я рад, что эта девчонка завтра уберется отсюда – у меня будет меньше головной боли. Все эти три месяца я только и делал, что переживал за нее. Представь, мне приходилось самому идти на рынок, чтобы переговорить с ней. А, как ты понимаешь, здесь не принято, чтобы сеньор моего уровня толкался среди свиней и бродяг. Ничего, мы еще поговорим об этом с Рибаном. – Челон расцепил руки и положил ладони на колени. – Короче, Отай, каждый четверг жду твоего доклада. Даже если я тебе не нравлюсь, в полдень ты должен быть здесь. Кстати, постарайся сегодня встретиться с Неоло. Может быть, тебе она что-то расскажет. Хотя бы будем знать, откуда танцевать. У меня тоже есть кое-какая информация, но об этом в следующий раз. Пока же будь осторожен. Если слежка станет очень

уж навязчивой, ничего не предпринимай и постарайся дать знать мне. Я что-нибудь придумаю. А теперь можешь идти.

Отай не сразу поднялся. Он очень хотел рассказать контролеру об открытиях Неоло, он чувствовал, что должен это сделать. Не потому что речи контролера тронули его, просто это было бы правильно. Но она попросила молчать, и он будет молчать. Во всяком случае, до завтрашнего полудня.

Он поднялся со стула, opravил рясу, затянул пояс.

– Я буду в четверг.

6

Старая лошадь была вся в мыле. Бедное животное из последних сил продиралось сквозь чащу, повинувшись жестоким ударам каблуков, врезавшихся под ребра. Клячу и одежду он купил у пьяного кузнеца в придорожном кабаке. Быстро переодевшись в подворотне, вскочил на лошадь и помчался в сторону гор, следуя тревожно мигающему сигналу маяка.

Из монастыря он улизнул все тем же путем. Утром ему удалось вернуться незамеченным, но брат Антонио встретил его еще более хмуро, и Отай занервничал. После прогулки по городу монастырь показался страшной темницей. Добросовестно отстояв вечерню, он проскользнул к дровяному складу и, оказавшись по ту сторону стены, с наслаждением вдохнул запах свободы. Он надеялся, что покидает эту тюрьму навсегда.

Дай-то Бог, чтобы Неоло не ошиблась, думал Отай, под-

гоняя клячу. Он прибыл сюда, настроившись на трудное испытание, полный решимости и силы, но разговор с Неоло ослабил его волю, заставил надеяться и оглядываться.. Трудно ему будет работать дальше, если сегодня ничего не выйдет. Очень трудно.

Пока двигались по дороге, лошадь шла довольно резво, но в лесную чащу ей углубляться не захотелось. Пришлось привести очень веские аргументы, чтобы заставить ее пойти лесом.

"Восемьдесят градусов на север", – сообщил маяк. Отай дернул поводья. Кляча недовольно захрапела и завертела головой.

– Пошла! – рявкнул наездник. – Ну!

Лес становился все более густым. Верхушки деревьев сплетались так тесно, что сквозь ветви перестали проглядывать звезды. От криков ночных птиц и волчьего воя, то приближающегося, то удаляющегося, по спине бегали мурашки.

Деревья стали всползать на пологий склон, и лес немного разределся. С неба глянул трогательный желтый месяц. Выше по склону, с треском ломая кустарник, прошел крупный зверь. Лошадь испуганно заржала. Отай пригнулся к гриве и вытянул из сапога кинжал, который отобрал у кого-то в том же кабаке. Хозяин оружия был мертвецки пьян и вряд ли понял, что случилось.

Неподалеку снова раздался бешеный треск, послышалось тяжелое дыхание. Кляча шарахнулась, чуть не сбросила се-

дока, и рванулась вперед.

Деревья неожиданно расступились, и в глаза ударил яркий свет. На поляне пылали три костра. Дымные столбы с танцующими внутри оранжевыми искрами тянулись прямо к звездам. На фоне пламени четко обрисовывались несколько фигур. Судя по одежде, это были женщины.

Отай не сумел вовремя осадить испуганную лошадь, и они с клячей ворвались на поляну, распугав находящихся там людей. Женщины с визгом бросились врассыпную, кто-то выхватил из костра головню, кто-то замахнулся вилами.

– Стойте! Стойте! – Это был голос Неоло. – Не бойтесь, это друг!

Женщины стали возвращаться, все еще грозно сжимая палки и вилы и недоверчиво разглядывая названного гостя. Их было трое. Все растрепанные, простоволосые, в широких одеждах, глаза горят. "Похоже на шабаш ведьм", – подумал Отай, спрыгивая с лошади.

– Что за спектакль? – спросил он на родном языке. – Тут играют в ведьм?

– А ты хочешь, чтобы они поверили в инопланетян? – Неоло беспечно рассмеялась. – Дорогой, это шестнадцатый век. Здешние контактеры работают без аппаратуры, дешифраторов и сверхчувствительных рамок. Они просто ведьмы. И я ведьма. У-у-у! – Она подвела его к одной из женщин. – Это Анна. Анна, это наш друг, который поможет нам поговорить с ангелами. Он умеет разговаривать с ангелами.

Анна, женщина лет сорока с выцветшим, опаленным южным солнцем лицом, встрепенулась, быстро произнесла, почти не открывая беззубого рта:

– Ангелы не разговаривают с мужчинами.

– Он не такой, как все, – сказала Неоло. – Он умеет.

– Они сказали, чтобы не было чужих, – настаивала Анна.

– Он не чужой, он друг.

– А эти кто такие? – спросил Отай, кивнув на остальных женщин.

– Это мои помощницы, – сказала Анна. – Чтобы говорить с ангелами нужно много сил. Разве ты не знаешь?

Отай кивнул. Он вспомнил, что является специалистом по ангелам.

– Да, я знаю. А три костра?

– Это знак, по которому ангелы распознают нас и спустятся с неба, если никто не помешает.

Отай отошел и потянул Неоло за руку.

– По-моему, она сумасшедшая. Видела, как горят глаза? Все-таки надо было рассказать Челону, выставить охрану, обеспечить...

– Трус! – Неоло отдернула руку. – Если боишься волков, можешь возвращаться к своему Челону.

– Послушай, за что ты его невзлюбила? Он тоже делает свою работу и не более.

– У нас с ним энергетика не совпадает.

Отай понял, что эта тема закрыта. Неоло была из тех лю-

дей, что и любят, и ненавидят от души. Когда на нее находило упрямство, все слова были бесполезны. Она стояла на своем и шла к цели, как тяжелый танк. Кроме того. До Прокта она служила в полиции. Иногда его пугали ее убежденность и напористость. Наверное, от того, что начинал чувствовать свою слабость.

– Ой! – вдруг вскрикнула Неоло и, оттолкнув его, бросилась к Анне.

Анна стояла на коленях и раскачивалась из стороны в сторону. Руки висели вдоль тела плетьюми, глаза закатились, взлохмаченная голова откинулась. Помощницы грохнулись на колени по обе стороны от нее и принялись исступленно молиться. Лес замер, ветер стих, замолкли ночные птицы. Что-то надвигалось, и люди пока не знали, бежать им сломя голову или торжествовать победу.

Неоло подошла к Отаю и схватила за руку. Ее волнение перебдилось ему. Он то и дело задирает голову, но небо пока было чистым. Только звезды и месяц. Когда он в очередной раз поднял глаза, его пробила дрожь и в колени вступила слабость. Он увидел, что далеко-далеко среди звезд появилось бледное пятнышко. Края пятнышка переливались, в середине свет был слабее. Облако? Оптический обман?..

– Ты видишь? Видишь?! – громко зашептала Неоло. Ее голос дрожал и ломался. – Ты видишь? Это они! Все получилось, получилось!

Отай прижал Неоло к себе. Да, это была победа, и значит

завтра домой. Только бы ничего не помешало... только бы ничего не помешало...

Он не мог оторвать взгляда от спускающегося с небес корабля. Тот все еще был величиной с монету, но уже можно было понять, что это не обрывок облака, а звездолет. Огромный, сверкающий, чужой. По мере приближения звездолета женщина-контактер все больше впадала в транс. В конце концов она совсем ослабела, и помощницы уложили ее на землю. Однако она не лишилась чувств, а продолжала шевелить руками и губами. Лицо ее порозовело, на нем появилось блаженство.

Корабль спустился еще ниже, и на поляну упал столб голубого света. Анна и ее помощницы оказались внутри него. Их очертания смазались, фигуры будто растворились в сиянии.

Отай и Неоло стояли в стороне, обнявшись и окаменев. На их глазах происходило нечто, значения чего пока еще никто не знал. Только смутные догадки будоражили сердца и мысли.

– Потрясающе... – прошептала Неоло.

– Потрясающе, – согласился Отай.

Он видел много кораблей, но звездолет пришельцев казался ему самым совершенным и прекрасным. Может быть, на нем действительно прилетели боги? Наверное, они всегда прилетали так, и тысячу, и миллион лет назад. И люди с дрожью и благоговением смотрели в небо, видя в нем кто пы-

лающие молнии, кто крылатых змеев, кто ангелов, кто демонов. Человек двадцать шестого столетия от рождения Христова видел звездолет инопланетной цивилизации, машину, но более мощную и совершенную, чем любое земное судно первого класса. Для Отая это еще был и символ свободы, потому что теперь ему уже не придется возвращаться в монастырь под прицел острых глаз брата Антонио. Однако даже такой машине могли помешать враги. В любой момент могло случиться что-то, что оборвало бы надежды на свободу.

"Только бы ничего не случилось, только бы ничего не случилось!" – как молитву повторял Отай.

Прошло минут пятнадцать, и он почти успокоился, как вдруг голубое сияние оторвалось от земли и мгновенно втянулось в нутро корабля. Еще мгновение – и звездолет превратился в звезду, которая чиркнула голубым по бархату неба и исчезла за горами.

Люди на поляне некоторое время не шевелились, ошеломленные случившимся. Все понимали, что что-то пошло не так. Но что?!

– Чужие! – закричала, словно прокаркала, Анна, резко согнула поясницу и села. Сейчас она и впрямь походила на ведьму или ожившего мертвеца. – Чужие! Чужие!

Помощницы завизжали, вскочили, забегали по поляне, хватаясь за голову.

Их вопли привели в сознание Отая. Он быстро огляделся и увидел, что снизу в их сторону движется россыпь дрожа-

щих и подпрыгивающих огней. Слышались крики, улюлюканье, собачий лай и треск сучьев.

– Облава! Тушите костры! – заорал Отай и ринулся к одному из костров, стащил плащ и начал яростно сбивать пламя.

Никто не пришел на помощь. Анна и помощницы уже скрылись в чаще. Из темноты доносился яростный шум ломаемого кустарника. Отай бросился к другому костру, быстро засыпал песком тлеющие угли.

– Неоло! – позвал он.

Напарница стояла неподвижно. Ее плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Отай махнул рукой и кинулся к третьему костру. Изрядно обжегшись, он все-таки поборол пламя, разбросал тлеющие угли и сучья, потом схватил в охапку Неоло и побежал к лошади, привязанной к дереву на краю поляны.

Кляча недовольно встретила удвоившуюся ношу, но делать было нечего. Поупрямившись, лошадь нырнула в чащу и поскакала напролом.

Облава, кажется, охватила весь лес. Куда они не бросались, растянувшейся цепочке факелов не было видно конца. Пришлось забраться в овраг с сыпучими краями и затаиться там.

– Молчи, – приказал Отай лошади и полез наверх.

Он высунулся из оврага и стал смотреть.

Облава шла тесным строем. Это были простолюдины, в

основном мужчины, вооруженные вилами, копьями, дубинами. Каждый сжимал в руке коптящий факел. Как понял Отай из разговоров, крестьяне ловили оборотня, который повадился таскать скот, а вчера среди бела дня утащил в лес семилетнюю девочку. Все ясно. Непонятно только одно – почему это должно было случиться именно сейчас.

– Тут что-то не так, – сказал он продолжающей рыдать Неоло, когда люди с факелами отделились. – Я уверен, что эта облава связана с пришельцами. Людей специально запустили в дело именно в этот момент. Нам надо бежать отсюда как можно скорее, иначе с нас снимут шкуры.

Неоло безразлично пожала плечами.

Он снова вскочил на лошадь, усадил Неоло впереди, крепко обнял ее за талию и беспощадно ударил клячу в бока.

– Пошла!!

Как не странно, он быстро нашел обратную дорогу. Очень скоро они выбрались из чащи на тропинку и поскакали через поля.

Город спал. Топот копыт по булыжной мостовой далеко разносился в тишине. Отай старался держаться стен, не выходить на свет покачивающихся на ветру тусклых фонарей.

– Куда мы едем? – произнесла Неоло, недоуменно оглядываясь. Это были первые ее слова с тех пор, как сорвался контакт.

– Мы едем к Челону, – сказал Отай.

– Я не хочу к Челону! Отпусти!

Она стала вырываться. Пришлось применить силу.

– Ты пойдешь к Челону – и никаких разговоров, – прорычал Отай ей в ухо. – Ты должна немедленно возвращаться. Тебе нельзя здесь оставаться.

– А как же Анна? – продолжала сопротивляться Неоло. – Контакт все-таки был, они успели ей что-то передать... Отпусти меня!

– Я сам с этим разберусь, а ты отправишься домой. Сейчас же.

– Нет!

– Дура! Идиотка! – не выдержал он. – Ты разве не поняла, что нас тут ждали?

Неоло снова зарыдала, закрыла лицо руками и уронила голову ему на плечо...

У Челона долго не открывали. Отай стучал беспрерывно. Наконец загремели засовы, дверь распахнулась и наружу вывалились несколько заспанных испуганных слуг с фонарями. Один был вооружен арбалетом, другой неловко вертел перед мордой лошади шпагой.

– Разбудите сеньора и скажите, что к нему вчерашний гость со срочным сообщением, – холодно приказал Отай.

Слуги тупо таращили глаза.

– Сеньора нет дома, – сообщил садовник. Отай узнал его. – Он будет к утру.

– Где он?!

– Разве господин докладывает слугам, куда уходит? – про-

бурчал человек с арбалетом. – Езжайте, сеньор, своей дорогой, а то, упаси Господь...

Отай пришел в бешенство. Все сегодня было против них, даже чертов контролер решил отправиться в гости именно сейчас.

– Ладно, – произнес он, беря себя в руки, – пусть эта сеньора останется здесь и дождется вашего хозяина. Уверяю, он будет рад видеть ее.

– Нельзя, мой господин, – заявил, как отрезал, тип со шпагой, – сеньор запрещает нам впускать в дом чужих. Приходите утром. Утром...

7

Дом Неоло находился неподалеку от порта. Чистенький и аккуратненький, с ухоженной дорожкой перед дверью и цветами под окнами. В доме плакал ребенок.

– Это дети Анны, – тихо сказала Неоло, не поднимая на него глаз. – Не могу же я их так бросить. Я дождусь ее и сразу пойду к Челону. Обещаю. Ты... Ты прости меня за истерику. Просто я слишком надеялась.

– Я тоже надеялся, – сказал Отай и проглотил ком. – Я собирался завтра вернуться домой вместе с тобой.

– Да, жаль, что так получилось. – Она отвернулась и промокнула подолом фартука глаза. – Ты иди, возвращайся в монастырь, пока тебя не хватились. Я-то уйду, а тебе тут оставаться. И будь осторожен, пожалуйста, я хочу увидеть

тебя через три месяца живым.

– И ты будь осторожна, – сказал Отай и откашлялся. – Ну, я пошел?

Неоло резко обернулась к нему.

– Не уходи.

– К-как... я...

Она остановила его возражения поцелуем. Обвила руками шею, прижалась к нему иступленно, будто прощаясь.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, – быстро и горячо прошептала она, не расцепляя рук, – ты должен был догадаться. Я так ждала... А теперь мне кажется, что мы больше никогда не встретимся. Никогда, никогда... Эта ночь – последнее, что у нас осталось.

– Не говори так. У нас еще будет много-много ночей. – Его голос прозвучал неуверенно.

Неоло отстранилась и заглянула ему в глаза. От этого взгляда закружилась голова.

– Отай, я хочу, чтобы ты остался. Если ты уйдешь, я сойду с ума.

– Хорошо... я останусь, – выдохнул он и подхватил ее на руки. – Куда?

– Иди, я покажу...

Он ушел от нее только под утро, взяв с Неоло слово, что она немедленно отправится к Челону. Небо на востоке нача-

ло светлеть, когда он вскочил на лошадь и погнал к стенам монастыря. Душа разрывалась на части.

Добравшись до места, он отпустил клячу, переоделся, затолкал купленную у кузнеца одежду в мешок и спрятал в густом кустарнике. Еще может пригодиться.

В темноте трудно было нащупать выемки в кирпичной кладке, поэтому на подъем ушла уйма времени. Наконец он перемахнул через ограду, скатился по куче дров, больно побив бока, прокрался мимо складов, угодил ногой в сточную канаву, обогнул трапезную и выбежал на площадь перед храмом. Здесь он сразу принял надлежащий вид, склонил голову, спрятал руки в рукава и медленно пошел к основному зданию, где располагались кельи. На площади уже шла утренняя жизнь. Несколько братьев работали метлами, со скрипом тащилась повозка с грязным бельем, к погребам от ворот катили несколько бочек.

"Ладно, поживем", – подумал Отай и толкнул дверцу кельи.

Он успел молниеносно среагировать и отскочить к стене. Что-то тяжелое врезалось в глиняный пол, послышалась ругань. Света, падающего из маленького оконца, было недостаточно, чтобы разобрать подробности, но Отай понял – он в келье не один – и бросился к выходу. Несколько тел навалились на него одновременно, повисли на руках и ногах. Он отделался от них, разбрасывая беспощадные удары направо и налево, работая ногами и кулаками. В темноте что-то хру-

стело и трещало, слышались вскрики и хрипы. Ему пытались вязать руки, набрасывали петлю на шею, но враги не знали, с кем имеют дело. Отай прорвался к двери, она оказалась запертой снаружи. Он выбил ее ногой и вылетел в сводчатый коридор.

Погоня выкатилась следом. В сумасшедшем беге он успел пару раз оглянуться. Нет, только не это... Святая служба! Поверх ряс черные плащи, лица искажены злобой. Стражи веры были изрядно покалечены, но отступать, кажется, не собирались. Отай лихорадочно огляделся, подыскивая подходящее оружие. Он вырвал метлу из рук монаха-уборщика, раскрутил и, внезапно остановившись, прошелся ею по ногам наиболее ретивых преследователей. Они с воплями покатались по земле. Тем временем Отай успел нанести еще несколько ударов, отбросил метлу и резко свернул в сторону трапезной. Он понял, что его хотят загнать в церковь и там взять в окружение. Ну уж нет!

У дверей трапезной стояли бочки. Он пробил кулаком две из них. Из одной ударила струя красного вина, из другой потекло золотистой медленной рекой оливковое масло. Сам он перескочил через бочки, но преследователи заскользили и попадали друг на друга. Воспользовавшись задержкой, Отай влетел в трапезную, вскочил на длинный выскобленный стол и ринулся к противоположному выходу, разбрасывая жестяные тарелки и кубки, расставленные к утренней трапезе. У самой двери перед ним неожиданно вырос брат Антонио.

Отай отпрынул и налетел на край стола. Этот человек показался ему ужаснее всех стражей Святой службы вместе взятых.

Как не странно, брат Антонио освободил дорогу, быстро произнес сквозь зубы:

– Беги от них. Лучше через двор, к погребам. – И задвинулся в темный угол.

Удивляться времени не было. Отай боком пробрался мимо брата Антонио, благодарно кивнул и выскочил за дверь.

За трапезной развешивали стираное белье. Кольшущееся на веревке, протянутой от дерева к дереву, серое тряпье ничем не отличалось от того, что грудой лежало в тележке и направлялось в прачечную. Отай толкнул тележку под ноги преследователям, дернул веревку, и мокрые тряпки облепили стражей. Это было забавно, но не могло спасти его от погони. Нужно было уходить. Антонио сказал – к погребам. Но ведь там глухой забор! Почему он так сказал? Может быть, там ждет засада?

Отай не знал отсюда другой дороги – только через ограду, поэтому понесся к дровяному складу. Он свернул за сарай, быстро засучил рукав и набрал сигнал Неоло. Маяк тут же обозначил маршрут. Это означало, что Неоло все еще в пределах достижимого пространства. Дура, упрямец! Он зарычал и врезал кулаком по доскам.

Уже рассвело, и серые стены монастыря были залиты розовым светом. Щebetали утренние птички, лениво шевели-

лись под ветерком торчащие из деревянных стен пучки соломы. Жизнь...

– Все, пора, – сказал он себе и вскочил на расползающуюся лестницу из дров.

В этот момент в воздухе что-то прожужжало. Мелькнула длинная тень, и вместе со страшным ударом в затылок пришла темнота.

9

Сквозь крошечное оконце под потолком падал слабый свет. На противоположной стене лежал блик, расчерченный тенью от прутьев решетки.

Отай смотрел на медленно тускнеющее пятно света. Голова гудела, и этот гул мешал работе мысли. "Надо было идти к погребам". Это была первая связная мысль, посетившая его после удара, который, по идее, должен был снести ему голову. Но голова осталась на месте. "Да, надо было бежать к погребам..."

Отай пошевелился. Загремело железо. Тяжелые цепи висели на руках и ногах. Превозмогая головокружение, он оторвал туловище от пола и сел. Не было сомнений, что это тюремная камера. За окном бродит страж. Его ноги иногда заслоняют свет. В камере было сыро и холодно, воняло гнилой соломой и мышами.

– Попался, дурак, – сказал он и с горечью рассмеялся. .

Кое-как он дополз до двери и ударил по ней цепью. Тут

же распахнулось квадратное окошечко и в него просунулся потный нос охранника.

– Чего тебе?

– Хочу поговорить с кем-нибудь из главных, – прохрипел Отай и снова зло грохнул цепью в дверь.

– Куда ты торопишься? У тебя неплохая камера, ты бы видел другие, – сказал охранник и захлопнул окошечко.

Наступила ночь. Отай провел ее без сна, ворочаясь на подстилке из гнилой соломы и кусая губы от бессилия. Кандалы жестоко натирала запястья и лодыжки, а в голове продолжало гудеть. Вдобавок к этому в соломе шуршали крысы, серые тяжелые комочки вскакивали на грудь, цепляли за волосы.

Несмотря ни на что, с рассветом он почувствовал, что сил прибавилось. Тренированное тело восстанавливалось, в голове прояснялось. Когда первые лучи солнца пробрались сквозь зарешеченное окно камеры, он уже чувствовал себя вполне сносно.

Теперь можно было вспомнить вчерашние события и все обдумать. Он так и сделал, мысленно разложил каждую деталь по полочкам и пришел к выводу, что ничего не понимает. Кто мог знать о контакте, кроме его участников? Могла проболтаться сама Анна или кто-то из ее помощниц. Неоло – исключено. Неоло сделана из железа... Или же за кем-то из них следили. Скорее всего, за ним. Да, это более вероятно. По всем признакам, враги уже знают о Проекте, значит, дело приобретает очень серьезный и опасный оборот, и борьба за

послание скоро превратится в открытую войну. Но почему тогда брат Антонио его отпустил? Что было бы, если бы он послушал совета монаха? Эти вопросы заводили Отая в тупик. Он решительно не понимал, что происходит, в чьей игре он стал пешкой и почему оказался здесь. Ясно было только одно – он влип в ужасную историю, из которой его не вытащит даже Челон. Хорошо, если Неоло успела уйти, ведь он проводил ее до дому и, следовательно, навел врагов на ее след. Да еще остался у нее до утра... Идиот! Нужно было дождаться Челона и уходить всем вместе, потому что операция так и так сорвалась и здесь им больше нечего ждать. Именно это и следовало сделать, но теперь поздно сожалеть о своей глупости. Слишком поздно.

Отая пощупал предплечье и отдернул руку, словно уколовшись. Маяка на месте не было. Интересно, как им удалось справиться со сцеплением, зло подумал он.

Гроыхнул засов, дверь со скрипом распахнулась.

– Выходи, – рявкнул охранник.

Его повели по коридору, а затем по лестнице наверх. Это была не тюрьма, а целый дворец, в подвальном этаже которой располагалась темница. Мраморные ступени, стенная роспись с вензелями, бархат и атлас.

Стражники Святой службы ввели его в просторную комнату, полную людей, усадили на скамью и удалились.

Отая поднял глаза. Со всех сторон на него глядели со страхом и любопытством, будто он был опасным заморским

зверем, о повадках которого пока ничего неизвестно. Он криво усмехнулся.

– Ты находишься перед трибуналом орденовой инквизиции, еретик, – произнес пузатый тип в сутане. "Ага, это нунций", – догадался Отай. Разведчиков познакомили с церковной иерархией. – Тебе следовало бы держать себя более кротко и продемонстрировать суду свое раскаяние и смирение.

– В чем я должен раскаяться, интересно узнать? – с вызовом спросил Отай.

Нунций сделал знак, и со своего места поднялся худощавый священник в черном. Он подошел к подсудимому и протянул к его лицу руку, держа двумя пальцами сверкающий браслет.

– Что это такое? – Отай промолчал. Следователь повторил: – Что это такое?

– Система связи.

– Что?

Отай презрительно улыбнулся. Но следователь был терпелив и добродушен.

– Что это за дьявольское устройство? Его пытались разбить, распилить, расплавить, утопить, но оно осталось невредимым.

Разведчик расхохотался. Он представил, как инквизиторы потели, пытаясь над сверхпрочным прибором дальней связи, способным выдержать холод полюсов ледяной Иштар-5 и температуру плавления камня.

– Почему ты смеешься?

– Потому что вы никогда не поймете, что это такое, – сказал Отай, смеясь. – Это не для ваших мозгов.

Следователь и нунций переглянулись.

– Ты хотел знать, в чем должен раскаяться? – спросил нунций с угрожающим спокойствием. – В сношениях с нечистой силой. Этот дьявольский предмет доказывает правоту обвинения. Кроме того, ты выглядишь слишком молодо для своих лет, у тебя отменное здоровье и ты обладаешь нечеловеческой силой, что тоже может быть отнесено к разряду дьявольских чудес.

– Бред, – сказал человек двадцать шестого столетия. – Хорошее здоровье – это следствие тренировок и нормального образа жизни. При чем тут дьявол?

– Человек бессилен против промысла Божьего, – убежденно заметил нунций.

– Господь дал человеку достаточно возможностей, чтобы жить долго.

– Откуда тебе может быть известно о делах Господа?

– Да ничего мне неизвестно. – Отай насторожился. Не сказал ли он чего-нибудь лишнего? Он покосился на писаря, сидящего за низким столиком в углу. Тот старательно водил пером по бумаге.

– Значит, ты признаешься, что совершал какие-то действия для омоложения и благополучия тела? – вкрадчиво осведомился следователь. – Не продал ли ты для этого душу?

– Омоложения? Да идите вы...

– Что тебя связывает с ведьмой Лоренцой Пицони? – вдруг заорал следователь. Лицо его приняло свирепое выражение, прежнего добродушия как не бывало.

– Не знаю я никакой Лорен... – начал Отай и осекся.

Его качнуло. Комната поплыла перед глазами. Так звали по легенде Неоло. Лоренца Пицони... Неоло... Все, это конец. Конец...

– Что вы от меня хотите? – проговорил он глухо.

Нунций удовлетворенно качнул головой.

– Мы ожидаем от тебя признания и раскаяния.

– В чем я должен признаться?

– В том, что находился в связи с ведьмой Пицони и ее подельщиками, что подпал под их влияние, участвовал в дьявольских оргиях и поругании распятия, что по наущению дьявола, говорившего с тобой устами ведьмы, держал богохульные речи и отпускал непристойности в адрес Папы и святой церкви.

– Что вы несете? – Отай скривился. – Когда бы я успел все это натворить? Я в этом проклятом городе только третьи сутки. Ваши шпионы, по-моему, плохо осведомлены. Я бы их уволил.

– Если ты не признаешься, то будешь передан светским властям и придан сожжению на костре, как еретик.

– Мне не в чем признаваться.

– Так ты знаком с Лоренцой Пицони? – проорал в ухо сле-

дователь. – Отвечай!

– Знаком! – Отай неожиданно подался вперед, и ударом головы отправил человека в черном к противоположной стене. Стражники тут же оказались за спиной и натянули цепь. Но он продолжал крепко сидеть на своем месте.. – Да, я знаю Лоренцу, – прорычал он, зловеще сверкая глазами, – и она не ведьма. А вот вы как раз и есть слуги дьявола! Если вы ее тронете, то пожалеете об этом. Вы не представляете, кретины, с какими силами связались. Эти силы растопчут вас, как тараканов!

В комнате повисло молчание. Члены трибунала смотрели на подсудимого со страхом. Перед ними был обычный человек, и в то же время он не был одним из них. Он не был человеком из этого города, из этого королевства, из этого мира. Они боялись его и ненавидели, как боятся и ненавидят сильного врага. Они не могли не верить его словам, но он, человек из другого мира, все же один, а их много.

Нунций кашлянул и потер ладони.

– Я вижу, это дело будет очень серьезным, – сказал он медленно, – тут не обойтись своими силами. Я немедленно буду писать в Рим. Уведите его и приставьте двойную охрану. Да, и проверьте, надежны ли решетки.

Отай поднялся, не дожидаясь тычка в спину, развернулся и пошел к выходу уверенной походкой победителя. Но сердце его висело на нитке, готовой вот-вот оборваться.

Его больше не вызывали на допросы. Так прошли две недели. Отай проводил все дни, бродя от стены к стене, изнывая от беспокойства, грязи, вони и растительности на лице. Втайне он надеялся на Челона, на то, что тот найдет их с Неоло по сигналу и что-нибудь придумает. Хотя что он мог придумать... Взять дворец нунция штурмом? Глупо. Вернуться на Станцию и притащить сюда десантников? Отай прекрасно понимал, что никто в его двадцать шестом веке не будет даже рассматривать подобный вариант. На Станции дождутся окончания цикла, что произойдет через два месяца, и отключат канал возврата. Вооруженное вмешательство исключалось всеми мыслимыми и немыслимыми правилами и резолюциями, на основе которых создавалась Станция. И это было вполне разумно. Насилие над естественным ходом событий могло привести к необратимым последствиям, переставить звенья цепочки. Это равносильно перестановке звеньев ДНК, когда неизвестно, что получится за организм.

После допроса Отай понял, что нужен инквизиции только в качестве свидетеля. Неоло разозлила их гораздо больше, а это значит, что она действительно подошла к запретной двери. Он был просто зрителем, она же участвовала в процессе, она что-то знала. Теперь они руками инквизиции хотят избавиться от нее, наказать, еще раз указать людям на место, отведенное им во вселенной какими-то иными силами. Они, они... Кто такие "они"? Земляне они или пришельцы? Кто

дергает за веревочки, кто раздает роли? Какая роль отведена ему, трагическая, героическая или комическая? Скорее – роль мученика.

Еще через две недели стало известно, что его переводят в Рим. Все решилось слишком быстро, и Отай еще раз сказал себе: "Это они. Они все продумали заранее и наши дела плохи".

11

Генеральный комиссарий римской инквизиции долго смотрел на подозреваемого в ереси, вздыхая и качая головой, будто добрый учитель, укоряющий нерадивого ученика. Отай спокойно смотрел ему в глаза и не отводил взгляда.

Комиссарий сдался первым. Пошарил под столом и со стуком положил перед собой маяк. Браслет потускнел, был изрядно исцарапан, но монитор все так же светился.

– Что это? – спросил комиссарий.

– Я уже отвечал на этот вопрос, – сказал Отай.

– Я знаком с материалами дела. Так что это?

– Система связи.

– Я хочу услышать правду.

– Правду? Ладно, я скажу правду. Это ПКС – поисково-контрольная система связи для сотрудников Станции транспозитации Земля-Земля, занятых в отдельно взятом сегменте Проекта неформального внедрения "Почта-икс/икс". Довольны? Я сказал чистую правду.

Комиссарий пожевал губами, покрутил побагровевшей от праведного гнева шеей. "Да, дело будет трудным", – написано на его лице.

В комнате для допросов было душно и темно, чадно горел масляный светильник. Сидевший в углу секретарь не знал, записывать показания или нет. Перо висело в воздухе, с него капали чернила.

– Могу повторить, – сказал Отай, обращаясь к секретарю.

– Не стоит, – прожевал комиссарий, достал из-под стола какие-то бумаги, перелистал их. – Откуда ты взялся? До появления в монастыре о тебе не было никаких сведений. Ты свалился с неба или родился из пены морской?

– Опять хотите услышать правду? – поинтересовался Отай с вызывающей улыбкой. – Пожалуйста. Я прибыл к вам из 2547 года от рождества Христова... по делам.

– Если опустить указанную тобой дату, то...

– Не нужно опускать указанную мною дату, потому что именно в ней причина моей необычной с вашей точки зрения силы.

– Ты хочешь, чтобы я поверил в это? – усмехнулся верховный комиссарий.

– Но вы же верите в ведьм и гром небесный. Моя история кажется менее реальной?

Комиссарий покашлял в кулак, приподнял брови и сказал:

– Движение из будущего в прошлое недоступно человеку. Река времени течет только в одном направлении.

– Ну и что? Любая река течет только в одном направлении, и, тем не менее, можно плыть и против течения.

– Река времени подвластна только воле Господа. Как может человек менять предначертанное Им?

– Человек много чего может.

Секретарь торопливо заскрипел пером.

– Да это настоящая ересь! – взвился молчавший до сих пор судья. – Вот ты и разоблачил себя, еретик!

– Наплевать, – сказал Отай. Ему действительно было наплевать на все. Он знал, что исход дела предрешен, и допрос – пустая формальность. Он хотел вызвать огонь на себя. Пусть он станет главным обвиняемым, а о Неоло забудут на время. Может быть, Челон все-таки что-нибудь придумает.

Верховный комиссарий удовлетворенно ухмыльнулся.

– А Лоренца Пицони? Она тоже из две тысячи... как там?..

– Две тысячи пятьсот сорок седьмой год, – подсказал секретарь.

– Она тоже оттуда?

– Да, а ты напрасно улыбаешься. – Отай решил идти ва-банк. – Нас здесь много. Поэтому для тебя же будет лучше, если ты прекратишь это дело. В противном случае я тебе не завидую.

Ухмылка сошла с лица комиссария. Некоторое время они с подсудимым молча смотрели друг другу в глаза.

– Не знаю, чей ты посланец, будущего или дьявола, но ты

ответишь за свою ересь по всей строгости закона Божьего, – медленно произнес священник. – Это очень важное дело и мы хотим его поскорее завершить. Мы осведомлены о твоём нежелании говорить правду, поэтому, чтобы не тратить время попусту, конгрегация Святой службы уже приняла решение подвергнуть тебя пытке. Опыт показывает, что это лучший способ добиться правды.

– Валяйте, – сказал Отай.

– Ты наглец и ты виновен, – заключил верховный комиссарий..

12

Челон прибыл в Рим три дня назад. Он остановился на постоялом дворе, выбрал не самый лучший, чтобы не привлекать к себе внимания. Он надел самое скромное платье, при нём не было слуг. Все три дня он просидел в своей комнате, глядя на монитор КПС. Координаты сигналов обоих разведчиков были идентичны. Отая и Неоло разделяли лишь каких-нибудь двести метров.

До конца смены оставалось десять дней. На одиннадцатый день трещина в пространственно-временном континууме зарастет. Значит, у него есть только десять дней на то, чтобы найти решение.

Он подошел к окну и, прячась за пыльной портьерой, выглянул на улицу. Близился к концу декабрь, булыжная мостовая была топка и грязна. Недавно выпал обильный снег,

который держался неделю, а теперь быстро таял и превращался в чавкающее болото. То тут, то там из-под оседающих сугробов показывались трупы замерзших кошек и бродяг.

На улице былолюдно. Кого-то сбило каретой, и горожане жадно толпились вокруг покойника, как коршуны над падалью. Люди кутались в серые одежды, небо над Вечным городом было серым, серые кучки снега лежали в тенистых подворотнях и канавах. Мрак, тоска, уныние, безнадежность. Скорее бы уж прошли эти десять дней...

Челон спустился вниз, без аппетита проглотил скромный обед. Потом вернулся в свою комнату и запер дверь.

13

Отай смотрел на подпись под каллиграфически выписанным текстом и силился понять, что происходит. Голова соображала очень медленно. Он читал: "Отай Марам, разведчик второго класса, отряд С300 СТЗЗ, стандартный номер 4942035, канал...", – и не понимал, как на этой бумаге оказались его настоящие реквизиты. Может, это бред? Да, вполне возможно – он только к вечеру пришел в сознание, тело сотрясала жестокая лихорадка, в глазах троилось, в ушах стоял звон.

Он не мог ни ходить, ни сидеть, ни стоять. В комнату его внесли на деревянных носилках, которые с грохотом опустили на пол, всколыхнув уснувшую было боль.

– Что это значит? – спросил знакомый голос.

"Если бы я знал", – подумал Отай.

Верховный комиссарий помахал рукой перед лицом лежащего на полу человека.

– Можешь молчать. Что бы они не значили, главное, что ты наконец раскаялся. Ты на верном пути, сын мой

Отай отодрал присохшие друг к другу губы. Во рту стало солоно.

– Не понимаю...

– Учитывая твое раскаяние, суд приговаривает тебя к публичному отречению и другим церковным наказаниям, после чего ты будешь отпущен на свободу.

– Я не понимаю...

– Чего ты не понимаешь? – удивился комиссарий. – Ты дал показания против ведьмы Пицони, ты во всем признался и суд посчитал возможным оставить тебе жизнь.

– Я не давал... показаний... это неправда...

Члены трибунала развеселились.

– Наверное, в твоём 2547 году не знали, что такое "велья", – хихикнул кто-то. – Она развяжет язык даже немому.

– Я не давал никаких показаний! Я не мог этого сделать!

– А эта подпись разве не твоя? – спросил комиссарий. Он один из всех был мрачен и серьезен. – Или ты отрицаешь, что твое имя Отай Марам и ты... – он заглянул в бумаги, – есть разведчик второго класса и так далее? Подобная ересь не могла прийти в голову членам святого суда, И, тем более, мы не могли знать, что окрутившая тебя ведьма тоже имеет

некий стандартный номер и что она... -Комиссарий взглянул на подсудимого и отбросил бумагу. – Скорее лекаря!

14

Отай очнулся и увидел, что находится в церкви. На нем санбенито – позорное рубище еретика с намалеванной на нем половиной креста. На шее – кусок дроковой веревки, на голове – дурацкий картонный колпак, в искалеченных пальцах зажата свеча зеленого воска. Он стоит на коленях, поддерживаемый под мышки стражами Святой службы. Он не может говорить, поэтому необходимые слова за него произносит кто-то другой. Наверное, в церкви полно народу, потому что в спертom воздухе висит монотонный гул. Лица, голоса, конвульсивно дергающееся пламя свечей, все кружится, мешаясь и размазываясь. Только один голос звучит ясно, и эти звуки острыми молоточками бьют в измученное сердце: "Я дал показания против Неоло... Как же я мог!.. Я должен был подохнуть, но молчать... Трус, тряпка, предатель... Тоже мне, человек будущего... тоже мне, степень защиты... Я подписал ей приговор... я оклеветал ее... я... Почему я ничего не помню?.."

Языки свечей слились в единое пламя, и сознание отключилось.

Когда в следующий раз стало светло, он уже был на улице, лежал головой в снежно-грязной жиже. Перед лицом мелькали ноги, колеса, копыта, подошлы. Было зимнее утро.

Нутро горело. Отай схватил ртом грязный снег и с наслаждением проглотил холодную влагу, ненадолго погасившую огонь. Он открыл глаза, сделал вдох и задохнулся от ворвавшегося в легкие морозного воздуха. Он забыл, что такое чистый воздух. Наверное, смена давно завершилась, подумал он. Сколько он был в застенке? Уже зима...

Он пошевелился и понял, что не сможет подняться. Ему оставалось одно – замерзнуть или быть затоптанным. Никто не придет на помощь, не поднимет его с земли, не согреет и не напоит. Человечество еще не дошло до того уровня развития, когда гуманизм и сострадание становятся частью сознания. Это произойдет не скоро, через тысячу лет. А пока он лежит в грязи, беспомощный, и медленно умирает. Не жаль. Он заслужил именно такой смерти. После того, как он погубил Неоло, неправильным было бы оставаться в живых.

Отай представил себе Станцию. Как не странно, голова была ясной. Он увидел центр управления, камеру транспозитации, нервно кусающего губы Рибана, замерших у пультов операторов, мигающие на стенах датчики, почувствовал шершавый поручень и слегка дрожащую от напряжения платформу генератора. Энергетическая спираль медленно оборачивается вокруг его тела, кожу слегка прокалывает и очертания окружающих предметов немного смазываются. В воздухе синими искрами вспыхивают слабые разряды, пахнет озоном. До старта осталось почти ничего. Пять, четыре, три, два...

Улица вдруг ожила, ноги, колеса и копыта заторопились, все движение устремилось в одну сторону. "Ведьму, ведьму везут!" – донеслось до его ушей. Крики, визг, смех, причитания. Отай встрепенулся. Ведьму?..

– Ведьму везут! Ведьму!

Это везут на костер Неоло, подумал он спокойно. Переживания и угрызения совести остались позади. Он понял, что ему надо делать. Ему любым путем нужно оказаться там, чтобы тоже броситься в огонь. Да, именно так. Он спасет свою душу только если умрет вместе с Неоло.

Он поднял голову. В лицо полетели грязные брызги. Он осмотрелся и заметил на противоположной стороне улицы у стены калеку. Тот сидел на грубо сколоченной каталке с деревянными колесами и то ли спал, то ли был мертв. Глаза были закрыты, голова откинута.

Изо всех сил работая локтями, Отай пополз на другую сторону улицы. На это ушла уйма времени, но ясность цели придавала сил. Он спихнул мертвеца с каталки и втащил на нее свое тело. Кое-как подтянул ноги, воя от боли, нашарил в сугробе два "утюга" и, отталкиваясь ими, двинулся туда, куда бежали люди.

Дорога была недолгой. На первом же повороте он увидел толпу, сдерживаемую вооруженной стражей. Он снова подумал, что все идет по заранее продуманному плану. Его специально бросили неподалеку от площади, чтобы он мог добраться к месту казни. Наверное, по сценарию, он должен

сам покончить с собой. Так уж захотелось авторам этой жуткой истории. Что ж, он исполнит свою роль до конца. Он их не разочарует.

Отай работал "утюгами" во всю. Он чуть не опоздал. Когда он пробрался к первые ряды и уперся в ноги стражников, костер уже разгорался. Ведьм было трое – Неоло, Анна и одна из ее помощниц. Последние две кричали и плакали, моля о пощаде. Неоло же стояла прямо и молча смотрела в небо. Она будто чего-то ждала. Отай догадался, и ему стало душно. Она ожидает помощи от НИХ! Бедная Неоло, мечтательница, фантазерка, любимая, несчастная, единственная...

Пламя встало стеной. От черного дыма стали слезиться глаза. Он уже не видел лица Неоло, голоса ведьм потонули в общем шуме. Люди кричали, молились, женщины падали в обморок, плакали дети, рывкали стражники. Отай почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Нужно было торопиться. Собрав последние силы, он замахнулся "утюгом" и ударил стоявшего впереди стражника в поясницу. Тот отлетел в сторону и упал на своего товарища. Путь освободился.

В несколько мгновений Отай оказался у помоста, бросил свое тело на ступени и начал рывками ползти вверх. Ступенек было три. Он преодолел их и почти дотянулся до огня, когда услышал:

– Смотрите! Там человек! Он сейчас сторит!

Его схватили и стали тащить. Он цеплялся за доски, хва-

тался за все, что попадалось по пути, и кричал, не понимая, что кричит на своем языке.

– Дайте мне умереть! Я должен умереть! Я хочу умереть!

Он умолял, просил пустить его к ней, дать ему обнять ее в последний раз и позволить вместе отправиться на небеса. Он кричал, что они не имеют право убивать ее, потому что она еще не родилась и не принадлежит их времени, проклинал пришельцев, Рибана, Станцию, себя, всех на свете, грозился. Но стражникам не было дела до стонов калеки. Они выволокли его из толпы, протащили шагов двадцать и бросили в канаву.

15

Он лежал без движения и смотрел в небо. Ему казалось, он видит, как душа Неоло парит над толпой и машет ему на прощание. Он просил ее подождать, надеясь, что не доживет до ночи. Как нарочно, сознание не собиралось покидать его, и он продолжал все слышать и чувствовать. Это было страшнее самой страшной пытки.

Загрохотали колеса, вода в канаве вспенилась, окатила его холодом. Над головой, скрипнув рессорами, замерла черная карета. С шумом распахнулась дверца, и с небес упал до боли знакомый голос:

– Слава Богу!..

16

Челон сидел в своей излюбленной позе – сцепив пальцы на животе. Он хотел казаться безразличным, но глаза выдавали его. Они первыми выплыли из тумана, сверкая, как прожектора дальнего света.

Отай вздрогнул и очнулся. В комнате было темно, также как в его кровавом кошмаре. Только тонкая бледная полоса светилась в промежутке между задернутыми шторами.

– Слава Богу, ты жив, – произнес контролер от правительства слегка надломленным голосом. – Я уже не надеялся найти кого-то из вас.

– Вы?.. – Отай только по голосу догадался, кто перед ним. Он лежал на мягкой постели, переодетый в чистое, а Челон сидел в кресле напротив него. – Разве... не время?

– Время кончается сегодня вечером, – сказал Челон и провел по лицу ладонью. – Сейчас я немного приду в себя и мы отправимся домой. У меня все еще руки дрожат.

– Я надеялся, что вы вытащите нас.

– Я не смог ничего придумать, прости. Если бы я вернулся за помощью на Станцию, никто не отпустил бы меня обратно. Ты и сам это знаешь. Мы не боги, а такие же люди, как эти дикари, с теми же страхами, только лучше одетые и чисто побритые. Я долго не мог выехать из Неаполя, потому что за мной следили.

– Кто?!

– Не знаю. Чтобы приехать в Рим мне пришлось переодеться и маскироваться. Но, кажется, это не помогло. Я и тут

почувствовал слезку. Это ужасное ощущение... Я сидел в этой комнате и боялся высунуть наружу нос. Но сегодня, перед возвращением, я решил обойти город в последний раз и, хвала небесам, нашел тебя. Где Неоло?

Отай вздрогнул от этого вопроса.

– Ее сегодня утром сожгли на костре. Вы разве не видели?

Челон издал сдавленный крик. Прежде чем снова заговорить, он долго откашливался. Отай понимал, что так контролер борется со слезами.

– Невозможно... – прохрипел Челон, держась за горло.

– Ее сожгли, как ведьму, по моему доносу, – сказал Отай. – Я дал показания против нее.

– Не понял.

– Я не выдержал пытки и предал ее, назвал ее ведьмой, я признался во всем, что они хотели!

– Успокойся, они все подстроили, – сдавленно сказал контролер. – Инквизиция это умеет.

– Нет, не подстроили. – Отай замотал головой. – Я подписал показания своим настоящим именем и даже дал выходные реквизиты. Никто в треклятом шестнадцатом веке не мог об этом знать!

Они помолчали. Полоска света, падающего из окна, медленно угасала.

– Челон, – произнес Отай, – я должен признаться, что мы вас обманули.

– То есть?

– В тот день, что я приходил к вам, должен был состояться контакт. Неоло нашла почтальона, но просила ничего вам не говорить, и я, как дурак....

– Что?! – Челон с грохотом подвинул кресло к кровати. – Что?!

– Да, она нашла почтальона. Эту женщину тоже сегодня сожгли. Контакт состоялся ночью в лесу. Я там был и все видел. Передача началась, но прервалась, потому что появились чужие люди. Их подослали, я уверен... А когда я вернулся в монастырь, меня схватили. И дело инквизиция завершила слишком уж быстро, будто ее торопили... Та женщина должна была что-то знать, потому что была на связи минут двадцать... Я сделал большую ошибку, что не рассказал вам сразу. Я хотел ее исправить, но вас не оказалось дома. Я хотел спрятать Неоло у вас.... Я как чувствовал... – Его затрясло. – Они все знали заранее, они все спланировали. Они сильнее, чем мы думали. Боюсь, нам с ними не справиться...они... они...

Челон наклонился и положил ладонь ему на лоб.

– Спокойно, парень, держи себя в руках. Я хочу доставить тебя на Станцию живым.

Отай вдруг почувствовал такое доверие к этому человеку, что сжал его запястье и подался к нему.

– Вы единственный, кто может помочь! Вы должны помочь спасти Неоло! Надо вернуться сюда и забрать ее! Напишите рапорт, умоляю, сделайте это! Вам поверят, вас по-

слушают!

Челон аккуратно убрал свою руку.

– Ты знаешь, что это невозможно. Казнь Неоло теперь свершившийся исторический факт. Изменив его, мы изменим многое другое. Прости, Отай, но я ничего не могу сделать для Неоло. Более того, я намерен добиваться закрытия Проекта. Все это приобретает слишком опасный поворот. Неоло должна стать первой и последней жертвой. Мы пока не готовы к сражению с таким серьезным противником. Ты понимаешь меня?

– Я понимаю, – прошептал Отай, – я все понимаю... Тогда оставьте меня здесь, я хочу умереть рядом с ней...

За дверью послышалась возня. Кто-то осторожно подергал ручку. Челон вскочил так резко, что опрокинул стул.

– Кто там?!

Вместо ответа дверь дернули сильнее.

– Это они, – сообщил контролер и бросился выволакивать из-за шкафа сундук.

Среди вещей лежал серебристый плоский предмет. Челон нажал на несколько кнопок, и предмет стал разворачиваться, превращаясь в ослепительно белый квадрат, на котором могли уместиться стоя два-три человека. По краям квадрата замигали огоньки, пробежала фиолетовая дорожка, и пол комнаты слегка завибрировал.

В дверь снова постучали

– Скорее! – крикнул Челон. – Надо торопиться!

Он поднял Отая на руки, кряхтя от натуги, и встал в центр квадрата. Комната осветилась голубоватым светом. Энергетическая лента, как змея закружилась вокруг них, оборачивая в голубоватый кокон.

Они уже отделились от этого мира, повиснув в пространстве между прошлым и будущим, когда дверь слетела с петель от сильного удара, и в комнату вбежали трое людей. Лицо одного из них показалось Отаю знакомым, но он не успел его рассмотреть.

Ослепительная вспышка озарила помещение, глухой хлопок разорвал тишину, со звоном вылетело оконное стекло, и снова воцарились мрак и тишина. Только голубые искры еще какое-то время вспыхивали в темноте.